

https://www.trud.ru/article/24-11-2017/1356806_kak_zhe_nam_vsem_budet_ne_xvatat_xvorostovskogo.html

24 Ноября 2017 **Сергей Бирюков**

Как же нам всем будет не хватать Хворостовского!

Великий певец сохранил безупречную интонацию на сцене и в жизни

Когда в октябре черной кляксой мелькнуло в интернете ложное сообщение о смерти Дмитрия Хворостовского, в голове (наверное, у очень многих) затеплилась наивная надежда: может, это к добру? Может, сработает давнее поверье: кого молва до срока похоронила, тому жить долго?.. Увы, не сработало: великого певца не стало спустя всего полтора месяца. В 55 лет, когда жизни человеческой, особенно такой насыщенной, должно еще оставаться очень надолго, и столько еще радости она могла доставить нам, его слушателям, и ему самому.

О Дмитрие Хворостовском будут, конечно, написаны многие книги, сняты фильмы, вдобавок к существующим. Уникальный баритон из Красноярска не просто спел практически всю мировую классику, выступил на лучших сценах мира, записал свыше 40 альбомов. Он создал свой собственный образ — артиста душевно глубокого, работающего на уровне ювелирной огранки музыки, человека не просто благородной, но рафинированной красоты — и внешней, и внутренней.

Наверное, и он делал в жизни ошибки, совершал ложные шаги — но их сегодня, по заведенному обычаю, не только не хочется вспоминать, они попросту не вспоминаются.

Зато вспоминается, как, победив в 1989 году на конкурсе в британском Кардиффе и получив доступ на все главные академические площадки мира, где отнюдь не русская опера правит бал, он взял на себя добровольный патриотический долг — стал преданным исполнителем камерной музыки Георгия Свиридова. Со всей молодой энергией и цепкой вдумчивостью (редкое сочетание вообще, а у вокалистов — особенно) пел его цикл на стихи Есенина «Отчалившая Русь». Помню премьеру этого исполнения в ломящемся от поклонников маленьком зале старинной московской музыкальной школы имени Мурадели, радостное лицо великого композитора, казалось, не верившего в реальность происходящего. Тогда, в середине 1990-х, в моде были совсем другие голоса, чистая русская

романсовая интонация XX века оттеснялась на обочину концертного пространства. Хворостовский сделал, может быть, больше, чем кто-либо, чтобы она вернулась к широкой публике. Провез это сочинение через мировые гастроли, как он сам потом говорил, «имея стоячие овации даже в самых отдаленных нерусскоязычных уголках мира. Тогда «Русь» стала гимном, песней о нас, о нашей жизни, о поэзии, о природе, о будущем, о прошлом».

А блоковский цикл «Петербург», который до того зрел у Свиридова долгие два десятилетия, Георгий Васильевич посвятил Дмитрию. Великая честь — навсегда остаться в истории музыки ТАКИМ посвящением. Благодарный Дмитрий пел его и потом, много лет спустя после ухода автора. Перед одним из последних своих концертов в Москве, в Большом зале консерватории, признался: «Свиридов сыграл в моей жизни огромную роль. Эта музыка настолько глубока, что поверьте, она будет существовать и цениться еще много-много веков. «Петербург» я не пел давно, с прошлого столетия, когда, можно сказать, был другим человеком. И теперешний «Петербург» совсем другой. Мне очень хотелось показать московской публике, какой путь я с тех пор прошел, что пережил, какие мысли у меня появились. А также что изменилось в жизни вообще со времени Свиридова, со времени Блока... А может, и ничего не изменилось?»

Живя на Западе и сотрудничая со всеми ведущими мировыми оперными театрами, он никогда не прекращал работы на родине. Его «Риголетто» в Новой опере, за пультом которой стоял тогда ее основатель легендарный Евгений Колобов — большая страница в истории этого московского коллектива.

Еще одно неожиданное для многих отступление от оперного мейнстрима произошло в 2003 году: Хворостовский исполнил с Камерным оркестром России, а потом и записал программу военных песен. Тогда даже прожженные музыкальные критики признавались, что слушали знакомые с детства «Темную ночь» или «Эх, дороги» с мокрыми лицами. Хотя на самом деле секрет был прост: ничего не «изображать», а быть предельно точным, простым и искренним. Все остальное скажут трагическая музыка, гениальные стихи и непередаваемой красоты голос. «Военные песни я записал даже не столько для себя и, конечно, не для Америки, для которой советские песни — в определенном смысле еще один род «балалайки», сколько для русских людей, своих соотечественников всех возрастов, — говорил Дмитрий в опубликованном в «Труде» интервью Марии Бабаловой. — У меня есть ощущение, что в России эти песни должны обязательно звучать. Это наша история. Наша классика. Для меня, человека, родившегося через десятилетия после войны, это песни детства. Моя дань памяти людям старшего поколения. Прежде всего моей бабушке...» Провезя затем программ у по стране, признавался: «Когда пою, порой с трудом сдерживаюсь: комок к горлу подкатывает. Иногда мне даже кажется, что мой диск военных песен должен продаваться, быть может, с фронтовыми ста

граммами...Пел в Волгограде на юбилее победы в Сталинградской битве и в какой-то момент почувствовал, что не могу справиться с собственными эмоциями... Петь перед ветеранами особенно трудно и ответственно. Они слушают со слезами на глазах, а потом с дрожью в голосе говорят, что твой концерт продлил им жизнь на несколько лет».

А вот наблюдение относительно перфекционизма Хворостовского. В июне 2013 года они с Анной Нетребко давали благотворительный дуэтный концерт на Красной площади. Понятно, у обеих звезд плотнейший график, на репетиции время крайне ограничено. Но было полное ощущение, что дуэт держится именно на Дмитрие: Анна буквально смотрела в рот партнеру — а его интонация была, как всегда, безупречна.

А какое великолепное чувство юмора, в том числе по отношению к себе самому — признак настоящего масштаба личности! Перед тем самым концертом в консерватории в январе 2015 года певец вспоминал Ирину Константиновну Архипову, чьей поддержкой очень дорожил: «В 1989 году в Кардиффе в романсе Рахманинова «В молчанье ночи тайной» я начал врать слова и искать глазами в зале, кто бы мог мне подсказать. Но у Архиповой было настолько непробиваемое лицо, будто совершенно ничего не произошло, так что я допел до самого конца, продолжая врать..."

Во время рассказа об участии в проекте Игоря Крутого «Дежавю», услышав вопрос журналистки «Лав радио» — его ли тело снято в клипе про казнь девушки-убийцы, расхохотался: ребята, какие вы смешные, это главное, что вас интересует?

Даже болезнь не могла сломить его. После оглушившей всех новости июня 2015-го об обнаруженной опухоли мозга певец взял паузу для лечения — но уже в сентябре вышел открывать сезон Метрополитен-оперы, да с какой ролью — графа ди Луны в «Трубадуре» Верди. Драматичнейшая, насыщенная партия! Мир увидел эту работу благодаря прямой кинотрансляции. Невозможно было поверить, что поет и играет человек с таким страшным диагнозом. Всегдашняя страсть, победительный артистизм, бескомпромиссное сгорание на сцене... Только в двух моментах почувствовалось, что ситуация необычная: после первой арии певец замер со сжатыми кулаками, и вспыхнула овация — не такая, как после очередного успешного номера, а долгая, исступленная. Казалось, еще чуть-чуть, и сквозь плотно сомкнутые веки артиста просочится предательская слеза, совсем не нужная в этом демоническом образе... Сдержался — мужество не изменило ему и тут. А в конце на сцену посыпался град белых роз. Жест, вполне традиционный у нас, но совершенно не характерный для нью-йоркцев.

В тот потрясающий вечер они, может быть, сами того не осознавая, приветствовали Дмитрия по-русски.

Уже, наверное, понимая, что чуда не произойдет, он не замыкался в болезни. Через месяц после того спектакля в Метрополитен дал в Москве концерт из серии «Дмитрий Хворостовский и его друзья» — со звездной латышкой Элиной Гаранчей. Вышел с кратким выступлением на сцену Геликон-оперы, чтобы разделить с ее коллективом радость открытия обновленного исторического здания. Рассчитывал в декабре 2016-го впервые в жизни спеть спектакль в Большом театре — «Дон Карлос» Верди, но запретили врачи. И все же успел еще выступить в России — 9 мая 2017 года повторил в Зеленом театре ВДНХ ту самую программу военных песен, 27 мая в День Санкт-Петербурга спел на Дворцовой площади, 2 июня — в филармонии родного Красноярска.

В эти дни из всех оперных столиц мира приходят голоса скорби. Иосиф Кобзон рассказал о последней воле артиста: быть кремированным и похороненном в двух городах — Красноярске и Москве. «Каким был, такое же оставил героическое завещание», сказал об оперном коллеге эстрадный баритон, не понаслышке знающий, что такое борьба с недугом.

А мне вспомнился еще один, совсем, казалось бы, малозначительный эпизод. Году в 2008 Хворостовский встречался с прессой по поводу, который сейчас уже не восстановлю в памяти, но тогда обратил на себя внимание какой-то особенно умиротворенный взгляд певца. На вопрос, откуда столько сияния в глазах, он ответил:

«Знаете, уже несколько недель не пою — приболел и наслаждаюсь покоем, общением с женой и детьми».

В такие моменты по-особому понимаешь, какое это тяжелое счастье — артистический успех...

А сейчас к этому пониманию примешивается еще одно: как же нам всем будет не хватать Хворостовского!